

Евгений Стародубенский

Не видеть звезды

18+

Евгений Стародубенский

Не видеть звезды

«Автор»

2026

Стародубенский Е.

Не видеть звезды / Е. Стародубенский — «Автор», 2026

Эта повесть рассказывает о четырёх прожитых днях дворника деда Сергея и старшего прапорщика Бесправного — людей из разных миров, соединённых одной историей. Внешние обстоятельства жёстко диктуют свои правила, в то время как внутренние убеждения каждого зовут к иной, желанной жизни. Один цепляется за прошлое, другой отчаянно ищет будущее. Но реальность течёт своим чередом, равнодушная к мечтам и стремлениям — ни того, ни другого.

© Стародубенский Е., 2026

© Автор, 2026

Евгений Стародубенский

Не видеть звезды

*Любовь – вот то единственное,
что может завладеть вечностью и наполнить её.
Бесконечность требует неисчерпаемого.
Виктор Гюго «Отверженные».*

Дул холодный декабрьский ветер. На севере зима приходит раньше положенного времени. Не дожидаясь, пока осень разгуляется, она сковывает землю, окутывая собой всё окружающее пространство. В один день накрывая белым одеялом, не успевшую пожелтеть, зеленую равнину. Всё живое засыпает, наперед зная, что наступают холода, и ждать тепла в ближайшие восемь месяцев точно не придется.

Улицы в городах превращаются в промерзшую пустыню. Ветер, то и дело, гоняет разноцветный мусор, напоминающий перекасти-поле, по зыбучим снежным барханам.

Старший прапорщик милиции товарищ Бесправный шёл осторожно, стараясь не поскользнуться на обледенелой тропинке.

Шаркая по-стариковски, он прикрывал лицо от ветра, одновременно поглядывая по сторонам, – пытался найти нужный ему дом. Таблички с номерами были затерты временем, а где-то вовсе отсутствовали. Глаза слезились и слипались, из-за чего приходилось идти практически на ощупь. Встретить по пути местного жителя было бы для старшего прапорщика большой удачей, но охотников прогуляться в такую погоду не нашлось. На улице быстро темнело, что ещё больше затрудняло поиски.

Бесправный работал помощником участкового в отделе милиции вот уже десять лет. За годы службы на своих двоих он обошел практически весь город Вертебск и лучше любого таксиста в нем ориентировался, но пригородный поселок Сосновый достался ему по наследству вот при каких обстоятельствах.

В отделе милиции по штату числилось двенадцать участковых, но по факту работало всего шесть.

Из этих шести можно отнять старшего лейтенанта Лизунова, который, получив должность старшего участкового, под предлогом большой загруженности бумажной работой, – как будто у других её было меньше, – вообще перестал выходить из кабинета и передал всю полевую работу самому опытному сотруднику – лейтенанту Иванову. Иванов, поработав в таком режиме некоторое время, неожиданно для всех женился. Хотя считался убежденным холостяком. Выбор Иванова пал на терапевта городской больницы. Сыграли свадьбу. Даже скинулись всем отделом на подарок. Но, что дарить, так и не придумали. В конце концов подарили конверт с деньгами, пожелали долгих лет совместной жизни, выпили за здоровье молодых и дружно про это забыли. Но не прошло и месяца, как Иванов вышел на больничный, что прежде с ним случалось крайне редко. Спустя короткое время, Иванов опять заболел. Инфекция, поразившая Иванова сразу после свадьбы, начала проявлять себя всё чаще и чаще. В отделе милиции начали шептаться и нехорошо поглядывать на лейтенанта, связывая его частые больничные не с резким ухудшением здоровья, а с изменившимся семейным положением. В коллективе он быстро превратился из всеобщего любимчика в изгоя. Казалось, что Иванова это мало волновало, появившееся свободное время влияло на его самочувствие и внешний вид лучше любого лекарства. Служба шла, выслуга копилась. В отместку за такую вопиющую наглость старший лейтенант Лизунов заваливал его самой тяжелой работой. Иванов с охотой

брался за новое задание, а на следующий день на совещании выяснялось, что сотрудник опять, на больничном.

Люди ко всему привыкают, привыкли и к этому. Лизунов вообще перестал трогать Иванова, боясь спровоцировать очередное ухудшение самочувствия. Шесть месяцев назад в конце июня, выйдя из отпуска, старший участковый решил, как он выразился, перетряхнуть законсервованную работу своих подчиненных. Пертурбация на местах коснулась не всех, а только самого незащищенного сотрудника. Им оказался старший прапорщик Бесправный. В довершение к своему участку он получил от Лизунова поселок Сосновый, который числился за лейтенантом Ивановым.

Поселок Сосновый переживал не лучшие времена. Завод по производству кирпича, благодаря которому он появился, закрылся лет двадцать назад. У кого были деньги или амбиции уехали искать себе и своим детям место под солнцем, понимая, что над поселком оно скоро зайдет за горизонт, и больше не появится. Догадывались об этом и те, кто остался. Всё глубже врастая корнями в стены своего недвижимого имущества, они перестали думать о будущем. Проживая изо дня в день один и тот же потрепанный временем сценарий своей оставшейся жизни.

За десять лет службы товарищ Бесправный на «своей земле» знал каждую собаку и, что немаловажно, каждая собака знала старшего прапорщика. Посёлок Сосновый был ему совсем незнаком. Местные жители с недоверием относились к новому представителю власти и шли на контакт неохотно.

В отделе старшему прапорщику на словах объяснили, где может находиться подозреваемый в краже из магазина продуктов и алкоголя, некто Козлов. После удачно совершенного преступления, данный субъект обычно захаживал к своей возлюбленной, чтобы отпраздновать, как полагается. Впрочем, вору со стажем Козлову и идти-то больше было некуда. По месту прописки жила его престарелая мать, сердце которой, очередной обыск и арест сына, могло не выдержать. Козлов любил свою мать и старался после очередного преступления как можно дольше не появляться дома. В отделе милиции об этом знали. Поэтому, чтобы не тратить время и из гуманных соображений, в гости к старушке приходили в последнюю очередь, стараясь не довести её до инфаркта. Бывало, к ней все-таки наведывались, чтобы узнать о местонахождении сына. Мама Козлова отвечала, что сына не видела уже очень давно. Закрыв дверь за гостями, она открывала холодильник, и по квартире распространялся стойкий запах корвалола.

Когда до Козлова доходили слухи о том, что его мать снова довели до повышенного давления, сам являлся в ближайший опорный пункт и закатывал истерику. Громко ругался и размахивал руками. Обещал пожаловаться начальнику милиции, который сам когда-то его допрашивал или надзирающему прокурору, к которому по словам Козлова он обращался исключительно по отчеству, а тот в свою очередь не возражал. Однотипные пятиэтажки и голые стволы деревьев сливались в один общий пригородный пейзаж, не давая возможности глазу ухватиться хотя бы за что-то приметное. Нужный участковому адрес любовницы Козлова находился где-то рядом, но стоящие вразброс дома и отсутствие указателей сбивали с толку.

Помимо рецидивиста Козлова, в голове у старшего прапорщика бегала и стучала, поминутно превращающаяся в головную боль, ещё одна мысль. Именно из-за неё Бесправный не мог толком сосредоточиться на своих поисках.

Дело в том, что на утреннем построении сотрудникам был доведен приказ о снижении денежного оклада младшему начсоставу на пятнадцать процентов, в связи с тем, что в городе за последний год сократилась численность населения. А раз так, значит и работа, как показалось начальству, у сержантов, старшин и прапорщиков тоже уменьшилась. Вот Бесправный и думал, как лучше ему поступить. Послать всех к чертовой матери и уйти, как говорится, на «вольные хлеба», хлопнув за собой дверью, или засунуть остатки гордости ещё глубже и доработать до предельной пенсии. И вот уже тогда, без боязни что-либо потерять, высказаться о накопившемся

в грубой нецензурной форме. За сорок лет прожитой жизни, он так и не научился доказывать свою правоту на повышенных тонах, усиливая убедительность своих аргументов криками и оскорблениями, так что в споре он чаще всего выходил побежденным, даже в тех случаях, когда правда, изначально была на его стороне.

Ипотека и старенькая машина отечественного производства, взятая в кредит пару лет назад, склоняли старшего прапорщика ко второму варианту. Вдобавок вечером придется как-то объясняться с женой. Которая, не дослушав, начнет упрекать во всем самого Бесправного, задевая колкими словами его мужское самолюбие. Как будто он сам себе зарплату собирается урезать. Молча выслушав упреки жены, он отправится спать на пол в детскую, чтобы на утро с больной спиной от жесткой постели пойти на службу с ещё меньшим на пятнадцать процентов желанием.

Автобус, скрипя и дребезжа всем корпусом, подъехал к единственной остановке поселка Сосновый. Это была его конечная станция. Отправной точкой маршрута служил центр города Вертебска, площадь Победы.

Стоит ли говорить о контрасте, который испытывал человек, проехавший весь маршрут этого старенького автобуса. Социальная пропасть между жителями центра города и поселка Сосновый была настолько велика, что старина Дарвин не колебался бы ни минуту и разделил их на два совершенно разных вида. Как в своё время разделил вьюрков, обитаемых на Галапагосских островах, за их отличительные особенности в питании и поведении, хотя на первый взгляд птицы мало чем отличались друг от друга.

Пассажиры высыпали на улицу. Уцепившись покрепче за свои хозяйственные сумки и пакеты с продуктами, каждый побрел, не поднимая головы, к своему дому. На следующий день с утра по тем же самым тропинкам, только уже с пустой ручной кладью, они волочатся обратно на автобусную остановку. Чтобы вечером в городе, нагрузив себя всем самым необходимым, возвратиться обратно. И так каждый день, на протяжении всей своей рабочей жизни. В голову Бесправному невольно пришла аналогия с клетками крови в организме. Они так же бегают по своим сосудам и снабжают органы кислородом и другими питательными веществами, унося с собой углекислый газ и продукты распада, не задумываясь о том, зачем им всё это нужно.

Скользкие тропы, разделенные сугробами и деревьями, переплетались, сходились и расходились в разные стороны. С первого взгляда сложно определить, куда выводят те или иные дорожки – как головоломка в детском развивающем журнале.

Старший прапорщик Бесправный начал внимательно наблюдать, на какой из них ему попадется проходной. Определив нужную тропинку, помощник участкового остановился, чтобы отдышаться и, по возможности, получить нужную ему информацию. Мужичок, идущий от остановки, заметил человека в форме и сразу сбавил и без того медленный шаг. Бежать ему было некуда. По бокам глубокие сугробы, а позади спешащие домой «клетки» с продуктами. Осознав свою полную обреченность, мужичок, опустив голову, поплелся прямо в руки оберегателя правопорядка.

У товарища Бесправного не входило в планы смущать или, тем более, пугать ни в чем не повинного человека. Откашлявшись, чтобы согреть связки, старший прапорщик поднял правую руку в знак приветствия и окликнул прохожего:

– Скажите, гражданин, как мне пройти к дому номер восемь? – твердым, но в тоже время радушным голосом спросил Бесправный. Мужичок остановился. Слова участкового подхватил северный ветер и унес в сторону от ушей гражданина.

– Это вы мне? – испуганно спросил мужичок.

Старший прапорщик не ответил, решив дождаться, пока тот подойдет ближе.

– Вы в этом районе проживаете? – решив, что лучше начать с формального вопроса, спросил старший прапорщик.

– С этого, – почему-то удивился мужичок, – шестьдесят лет уж как здесь проживаю. А что вам? Ищите кого, что-ли?

– Я ищу восьмой дом. – Обрадовавшись старожилу, ответил Бесправный.

– Восьмой дом прямо по этой тропинке, у вас за спиной, – тихо произнес мужичок, указательным пальцем ткнув в Бесправного.

Старший прапорщик обрадовался. Кивнув в знак благодарности, крутанулся, как учили, на сто восемьдесят градусов и бодро заскользил в нужном направлении.

Бесправный подошел к третьему подъезду. Вторая хорошая новость, – первой он считал встречу с местным жителем, – заключалась в том, что на двери не было домофона, которые активно устанавливали жители города. Стоять на морозе и звонить в каждую квартиру не было никакого желания. Но везение закончилось, так и не успев начаться. За первой дверью коварно скрывалась вторая дверь, но уже с домофоном. Электронный замок существенно усложнял работу, как минимум двум государственным работникам – милиционерам и почтальонам.

Между входными дверями было темно. Каждый раз, как только электрик управляющей компании вкручивал в тамбуре лампочку, и не какую попало, а энергосберегающую, её в этот же день скручивали жильцы подъезда и забирали к себе в квартиру. Несколько лет назад после очередного хищения домового имущества, руководство управляющей компании дома постановило прекратить перевод ламп, и с тех пор света, как и электрика, никто в этом подъезде не видел.

Старший прапорщик начал приоткрывать ногой первую дверь, чтобы разглядеть кнопки на панели домофона. Неудобная поза вконец испортила и без того испорченное настроение. Разозлившись на дверь, домофон, Иванова, снова ушедшего на предновогодний больничный, и на весь мир в целом, он набрал номер квартиры, в которой предположительно находится Козлов. Обычно так не поступают. Оперативная работа проходила по другим правилам. Первым делом необходимо попасть в подъезд, чтобы жильцы нужной квартиры не знали о скором появлении нежданного гостя. Тихонько подняться, после чего прислушаться, есть ли кто дома, а уж после этого решить, какую роль сыграть. В зависимости от того, кому адресовался визит, участковый прикидывался пьяным приятелем, иногда соседом этажом ниже, а чаще, конечно, представлялся как положено, по должности и званию. Но главное, эффект, который создавался в моменте, не давая опомниться человеку за дверью.

– Кто там? – послышался нетрезвый женский голос. Старший прапорщик Бесправный мог по одному слову определить пьян человек или нет, чем очень гордился, так как считал это своим профессиональным преимуществом.

– Милиция, открывайте, – раздраженно ответил участковый.

– А мы не вызывали... милицию, – послышался всё тот же голос.

– Открывайте, а там уже будем разбираться, кто вызывал, а кто нет! – ещё более раздражаясь, ответил старший прапорщик, придерживая ногой первую дверь, из-за чего в спину изрядно поддувало.

Домофонная дверь запищала и нехотя открылась. Товарищ Бесправный, чтобы ни запыхаться, пошел на четвертый этаж медленно, с трудом переставляя уставшие за день ноги. Однако на втором этаже дыхание сбилось, а на четвертом, он начал дышать тяжело и часто. Большой живот при невысоком росте мешал подниматься, вызывая одышку.

Приоткрытая дверь нужной квартиры приглашала старшего прапорщика зайти. В прихожей стояла женщина в розовом халате. Определить её возраст из-за несколько опухшего лица было сложно. На вид около пятидесяти, но паспорт мог показать и гораздо меньшую цифру. «Вот до чего может довести праздный образ жизни!» – подумал старший прапорщик с осуждением.

– Что случилось? Мы, то есть, я хотела сказать, что я не вызывала милицию. – слегка заплетающимся и взволнованным голосом проговорила хозяйка квартиры.

– А мы сами приходим, когда нужно. Козлов дома? – переводя дыхание, спросил участковый.

– Нет. – отрезала женщина в халате. – Мы с ним поругались несколько дней назад. Он ушел к своей бывшей. И где он сейчас, меня совершенно не волнует.

– Это бывает, – отдышавшись ответил Бесправный. Не спрашивая разрешения, он рукой отодвинул гражданку в розовом халате и отправился проверять правдивость её слов. Обувь он не снял. Но не потому, что был не воспитан. В чистой или по крайней мере ухоженной квартире он непременно надевал бахилы, которые очень берег. Достались они ему после похода в прошлом году в платную зубную клинику, где Бесправному вылечили один зуб, который собирались удалить в бесплатной городской больнице. При входе в платную медклинику стояли две корзины. В одной лежали чистые бахилы, обязательные для всех без исключения пациентов, а рядом, в другой, использованные. Бесправный не привык жить на широкую ногу, припрятав при выходе в карман полезную вещь. Из платной больницы старший прапорщик вынес не только бахилы, но и понимание о том, что за деньги можно спасти то, что без денег непременно потеряешь, как вылеченный врачом обреченный на удаление зуб.

Но в этом случае в бахилах не было надобности. Полы в квартире давно не мылись. Пожелтевшие стены угрожали испачкать собой любого, кто решит к ним прислониться. На затертых обоях рисунок уже не просматривался, зато хорошо просматривалась паутина в каждом углу и засохшие трупки тараканов. Квартира была однокомнатная. Слева от двери находился туалет с ванной, куда участковый заглянул мельком, так как смотреть там было не на что. На кухне стоял холодильник, стол, заставленный пустыми бутылками, и пепельница с окурками, две табуретки и газовая плита, на которой стояла сковородка с чем-то засохшим. Холодильник пытел, трещал и захлебывался, но не смотря на всё это, мужественно неустанно работал. Под столом на грязном одеяле лежала собака дворовой породы. Она угрюмо посмотрела на старшего прапорщика, после чего принялась усердно грызть говяжий мосол. Комната была заставлена хламом, который в прошлые времена назывался мебелью. Напротив входа стояла советская «стенка». В ее недрах светился и что-то бубнил работающий телевизор. По правой стороне находился разложенный диван, рядом с которым стоял стул без спинки. На полу была разбросана скомканная одежда.

Старший прапорщик, оценив обстановку, сразу понял, что гражданка в розовом халате его обманывает. Герой-любовник Козлов точно находился где-то поблизости. Бесправный заметил возле стула две водочные бутылки. Одна была пуста, на дне второй ещё что-то оставалось. А на самом стуле помещались консервная банка со шпротами, стакан с соком, хлеб и пара стопок. Одна из них, так же, как и бутылка, была пуста, а вот вторая – полная.

– В два горла пьете, гражданочка? – спросил Бесправный, пристально осматривая комнату. Хозяйка промолчала, понимая, что вопрос с подвохом, но не понимая к чему он был задан и где же скрыт тот самый подвох.

Старший прапорщик подошел к окну и раздвинул шторы. На подоконнике возвышалась пачка дамских журналов, валялись тронутые временем мягкие игрушки. Вид на улицу скрывало натянутое на всё окно шерстяное верблюжье одеяло, из-под которого изрядно сквозило.

Обернувшись, участковый обнаружил, что на стуле стоит уже одна стопка. Вторая загадочным образом исчезла. Хотя исчезла не только стопка, но и сама хозяйка квартиры. Впрочем, через секунду женщина вернулась, встав на пороге комнаты. Этот факт ещё больше убедил старшего прапорщика в своем предположении о близости Козлова. Сердце забилося в груди Бесправного немного сильнее. Но это было связано уже не с одышкой. Подобное ощущение появляется у охотника в лесу, когда он нападает на след зверя, чувствуя, что добыча находится где-то поблизости. Глаза помощника участкового заблестели и как будто стали лучше видеть. Просканировав ещё раз комнату, он заметил высунувшийся из-под дивана тапок, и пятку, блеснувшую в электрическом свете.

– Козлов, вылезай из-под дивана. Попрыгался и будет. – с неприкрытым удовольствием, сказал старший прапорщик, глядя на тапок. Пятка пошевелилась, сморщилась, стараясь поглубже залезть в тапок, как моллюск в свою раковину.

– Давай, Козлов, я долго ждать буду? Вылезай, вылезай быстрее! – повторил товарищ Бесправный. – У меня и без тебя работы по горло.

– Чё я сделал, начальник? – жалобно прохрипела пятка.

– А то ты сам не знаешь, тебя в розыск объявили.

– Мне бумага не приходила. – не унималась пятка.

– Что не приходила? Какая бумага? – не понял помощник участкового – Давай, Козлов, не пудри мне мозги. Вылезай, одевайся, и поедem в отдел. Говорю, у меня нет времени.

Диван заскрипел, и из-под обивки вылез Козлов. Пригладив торчащие в разные стороны волосы, он укоризненно посмотрел на свою даму, в его взгляде явственно читалось: «зачем вообще было впускать участкового в квартиру». Она опустила голову и вздохнула: «а как я могла не пустить, если он сам зашел».

– Надолго меня закроют? – опрокидывая в себя стопку водки, спросил Козлов.

– Посидеть придется, а там уж, как судья решит. Поехали, Козлов, одевайся, – вздохнул старший прапорщик Бесправный, садясь на край дивана. Он наклонился, поднял с пола скомканную одежду и подал задержанному джинсы и кофту с северным орнаментом.

– Всё, опять домой еду! – вздохнул и Козлов, ласково взглянув на свою любимую женщину в розовом халате.

II

Мечты о всеобщем равенстве будоражили умы миллионов людей по всему миру и во все времена. Его пытались найти, построить или по крайней мере придумать. Его обещали, и им же пугали, ждали и оттягивали одновременно. О нем всё время говорят, но никто никогда, по правде, не ощущал это равенство на самом деле. Кто бы мог подумать, что мифическое равенство гораздо ближе, чем кто-либо мог себе представить. Где же находится это место, в котором нет богатых и бедных, семейных и одиноких, умных и глупых? Ответ прост – специальный приемник милиции города Вертебска.

Административное задержание сбрасывает с человека мирское облачение и до тридцати суток выбрасывает за борт обыденной жизни. Все планы, обязательства, дела растворяются утренним пробуждением в стенах этого славного учреждения. Ценность обретают вещи, которые в повседневной жизни практически не заметны. Чай, сахар, сигареты, спички для обитателя спецприемника становятся сокровищем и остаются таковыми до самого выхода на свободу. Обыватель может сравнить административный арест с тюремным заключением. И в этом есть своя доля правды. Но вот в чем заключается принципиальная разница. В тюрьме люди живут долго, успевая обжиться кое-какими вещами и не всегда желанным, но всё же определенным социальным статусом. За время, проведенное в спецприемнике, человек не успевает приобрести ни то, ни другое, оставаясь на задворках окружающей действительности. Невольными обитателями становятся: всякого рода активисты, не согласные с властью, решившие высказаться вслух на митинге; рядом сидит на своих нарах очередной лихач, умеющий водить машину, но не умеющий вести трезвый образ жизни; буйный муж, умудрившийся достать своим неадекватным поведением не только свою жену, но и соседей по лестничной площадке; скромный бездомный, которому просто не нашлось другого места, где можно переночевать в холодную зимнюю ночь; да и кого только не встретишь в этих кирпичных стенах.

Абсолютно неважно, кем ты был до административного задержания и что, как тебе кажется, ты из себя представляешь. Сцепленные одними наручниками идут, слегка прихрамывая, придерживая спадающие штаны, начальник важной фирмы, перегулявший на корпоративе и уличный бродяга, перегулявший всю свою жизнь, на судебное заседание, специально назначенное в их честь. Прохожие на улице, посетители и работники суда одинаково безразлично

смотрят на эту парочку неудачников с опухшими лицами, растрепанными волосами и отвратительной вонью вчерашней попойки. Вот где можно увидеть настоящее равенство, пусть и не превышающее тридцати суток.

Гражданин Козлов, проснувшись в камере спецприемника, не торопился вставать. Подложив руки под голову, он предавался воспоминаниям вчерашнего вечера, проведенного с дамой своего сердца. Но ровно до того момента, пока в их любовное гнездышко не ворвался представитель правопорядка в лице старшего прапорщика Бесправного. Начальник следственного изолятора получил от администрации Вертебска дотацию в виде двадцати пяти банок синей краски, срок годности которых почти истек. Откладывать ремонт не стали, планируя успеть всё к Новому году. Вот гражданина Козлова и поместили в спецприемник до суда.

На соседних нарах беспечно спали два товарища. Их привезли глубокой ночью. По первому взгляду на этих красавцев сразу становится понятным, что пить они не умеют. Перебывав весь отдел милиции, друзья громко пели, предлагали всё забыть и поехать всем вместе в ресторан, откуда и поступил роковой для них звонок. Поняв, что песня их на сегодня спета, два товарища начали обвинять во всем окружающих сотрудников милиции, обещая завтра же всех уволить, как они выражались: «к чертовой матери». Угрозы перешли в просьбы, потом в апатию и, наконец, принятие своего нелегкого положения. В дежурной части на них не обращали никакого внимания, сотрудники рутинно выполняли свои служебные обязанности.

В коридоре слышались шаги дежурного. Дверь камеры со скрипом открылась. Молодой долговязый сержант, не пожелав доброго утра, пересчитал сидельцев. Убедившись, что количество людей на нарах совпадает с количеством фамилий, написанных на маленьком листочке, принялся будить ночных дебоширов. Прodelывал он это с абсолютно беспечным и отстраненным видом, подобно тому, как ведут себя проводники плацкартного вагона дальнего следования. Главным доводом для выполнения своих требований была угроза запрета утреннего туалета. От вчерашних «победителей жизни» не осталось и следа. Угрюмые, с опухшими лицами, они тихо и послушно стали приводить себя в порядок, ожидая неотвратимого решения судьи.

Не прошло и часа после пробуждения, как двое вчерашних дебоширов уже сидели с опущенными головами у зала судебного заседания. Рядом сидел старик, ожидая своей порции административного наказания. Он не опускал головы и не прятал стыдливо глаза. В его лице отражалось равнодушие к происходящему вокруг. Лишь изредка всматривался он в лица проходящих мимо людей, стараясь разглядеть в них кого-то, словно потерявшийся пес, бегающий по улице в поисках хозяина.

На вид ему было около семидесяти лет. Длинные седые волосы и густая борода скрывали его настоящий возраст. Каждые пять минут, старик доставал расческу из нагрудного кармана рубашки, надетой под коричневый свитер, на которой порядочно не хватало зубчиков. К слову, у хозяина расчески зубов было и того меньше.

Секретарь судебного заседания, стараясь глубоко не вдыхать стоящий в коридоре запах перегара, передала бумаги для заполнения, где перечислялись права административно задержанных и требовалась их собственноручная подпись. Для задержанных несложное на первый взгляд задание давалось с трудом. Ручка в дрожащих пальцах прыгала и марала бумагу. Затягивать процедуру желающих не было. Главное, что можно разобрать два слова «вину признаю», а это значит, что процесс пройдет без лишней волокиты и вызова на допрос никому ненужных свидетелей.

Когда бумаги были заполнены, и все, кто должен был расписаться, расписались, всех троих тут же пригласили в зал судебного заседания. Судья в черной мантии с белым воротничком быстрым шагом подошел и сел за свой стол, где уже лежали дела троих задержанных. Не поднимая головы, судья указал жестом руки, что можно садиться. Все находящиеся в зале сели на свои места, кроме милиционера, который следил за порядком, готовясь записывая на

маленьком клочке бумаги количество дней назначенного ареста. Старик первым получил свою путевку на двое суток в спецприемник, где всё включено и всё оплачено. Молча выслушав свой приговор, он отвернулся к окну. Крупные хлопья снега кружились в танце. Ветер дирижировал происходящим, задавая ритм и скорость их движений. Любопытные снежинки, подлетая к оконной раме, зависали в воздухе, как будто стараясь обратить на себя внимание старика, приглашая посетить свой зимний бал. В ответ он только беззвучно шевелил губами. Извинялся ли за свой отказ или просто вспоминал давно ушедшее прошлое, живущее лишь в его памяти.

– Дед Сергей, поднимайся, хватит смотреть в окно. – Эти слова, сказанные милиционером, вывели старика из мира идей в мир материальной действительности. Он оглянулся по сторонам. Секретарь судебного заседания объясняла двум правонарушителям, где и в какой срок нужно оплатить, полученный в наказание за пьяный дебош, штраф. Сотрудник спецприемника был доволен не меньше, так как в его ведении на два человека становилось меньше.

В это самое время, старший лейтенант ДПС Капустин шел по коридору к помощнику судьи, чтобы отдать подшитые по всем правилам делопроизводства, материалы на провинившихся водителей и пешеходов. Капустин работал в этом году усерднее обычного. Начальство обещало написать представление на очередное звание: шутка ли – капитан. За это время у него образовалась хроническая раздражительность, ежедневно убивавшая нервные клетки быстрее, чем это мог сделать крепкий алкоголь. Стоит отдать ему должное, четвертая звезда, так и просилась на погон, несмотря на все удары судьбы, в лице высшего начальства и других надзирающих органов.

Заходить в канцелярию судьи без приглашения было строжайше запрещено. На стук Капустина, в дверях показалась плешивая голова в очках, принадлежащая помощнику судьи.

– Кто тут? – поправляя очки, спросил помощник. Капустин хорошо знал его и называл Пашей. Вообще Паша никогда не здоровался первым. Когда же к нему обращались с приветствием, он сразу почему-то терялся, становился меньше ростом, удостаивая обратившегося к нему человека лишь коротким кивком. На работе, для общения с людьми, Паше хватало всего нескольких коротких фраз: «Кто тут?», «Давайте сюда.», «Ожидайте в коридоре.» и, наконец, «Судья сказал, переделать.» В разговоре с судьей за Пашу обычно говорила вегетативная нервная система. В зависимости от тематики разговора она проявлялась в повышенной потливости всего тела, расширении зрачков, ускорении сердцебиения, появлении мурашек на коже, и что больше всего раздражало судью, так это постоянное ерзанье на одном месте.

– Старший лейтенант ДПС, сдать административные материалы. – так же, не поздоровавшись, ответил Капустин, подавая документы на значительном расстоянии от вытянутой руки помощника. Тем самым, принуждая последнего, полностью выйти за порог зоны кабинетного комфорта.

– Давайте сюда, – как можно сильнее подаваясь вперед, но при этом оставаясь на месте, ответил Павел. Капустин был демонстративно неподвижен.

Паша поправил очки, что всегда делал в сложных, как ему казалось, нестандартных ситуациях. Переступив за порог и выхватив документы из рук Капустина, Павел скрылся за массивной деревянной дверью, как зверек, завладевший кусочком лакомства, прячется в свою норку.

Оставшись один, старший лейтенант Капустин начал расхаживать взад и перед накручивая правый ус, подавляя приступ гнева, готовый обрушиться на плешивую голову помощника судьи. Не прошло и пяти минут, как снова верхняя часть тела Паши появилась в дверях.

– Судья сказал, переделать, – подавая документ обратно, со вздохом сказал помощник судьи.

– Что переделать? Где именно переделать? Судья не сказал? – в этот раз сам подавшись вперед, с досадой протараторил старший лейтенант.

В ответ Павел лишь пожал плечами: «Судья сказал, переделать». – повторил он свою неизменную фразу, показывая всем своим видом, что ему тоже всё это надоело, и он бы обя-

зательно принял все материалы, если бы на это была его воля. После чего, поправив ещё раз свои очки, скрылся за дверью.

Старший лейтенант свернул административные дела в трубочку, представляя вместо пачки бумаг шею помощника Павла. Испытывать судьбу Капустин не посмел. Он знал, что если судья сам начнет объяснять своё решение, то ждать очередное звание придется ещё как минимум целый год. Постояв около двери несколько минут, как будто в этом был какой-то смысл, Капустин застегнул под самый подбородок куртку и отправился исправлять те ошибки, о которых не имел абсолютно никакого представления.

III

Дед Сергей или просто Серега жил и трудился в поселке Сосновом. Последние восемь лет он работал дворником на полставки, убирая территорию только одного дома, в котором сам же и проживал. Этот дом являлся гордостью всего поселка. Восьмиподъездный пятиэтажный красавец из белого кирпича, солидно выделялся от остальной бюджетной социальной застройки. Одиноким белый лайнер посреди коптящих проржавевших пароходов одним своим видом внушал уважение не только к себе, но и к владельцам квартир. Жильцы дома тоже гордились своей пропиской, не упуская удобного момента похвастаться этим перед другими обитателями поселка. Выражение их лиц говорило о презрении и отвращении ко всему окружающему, но не говорило, что в таком случае они до сих пор делают в Сосновом.

Рядом с первым подъездом дома находилось отдельное помещение – кладовая с собственным входом. В ней и жил дед Сергей. В ней хранились его немногие вещи и рабочий инвентарь. Через эту небольшую подсобку проходила труба отопления, которая не давала старику замерзнуть с наступлением холодов. Дед Сергей даже умудрялся найти плюсы от проживания в своей каморке. Во-первых, до работы, в прямом смысле слова, два шага; во-вторых, отдельный вход; а в-третьих, отсутствие коммунальных платежей. На этом плюсы заканчивались. А трудности он старался не замечать, – у кого их нет в наше время. Из-за небольшого размера каморки, возникало только одно неудобство, чтобы пробраться к своей лежанке, состоящей из досок на железном каркасе и старого полосатого матраса, подаренного ему какой-то медсестрой из местной больницы, нужно было каждый раз выкатывать и закатывать обратно садовую тележку, стоящую около входа.

Через щели ссохшейся деревянной двери сильно дуло. Не помогало даже пуховое одеяло, найденное около мусорного бака пять лет назад. Зимой одеяло занавешивало вход от морозных сквозняков, летом на смену появлялась занавеска, в обязанности которой входила защита старика от разного рода насекомых. Но, как и от одеяла, от неё было мало пользы. Старик научился пользоваться и этим неудобством, оставляя на холоде, в углу около двери молоко и дешевые молочные сосиски, которые очень любил.

Пробудившись в пять часов утра, старик кипятил воду в литровой банке. Разводил порошковый кофе в кружке с отломанным ушком, разбавляя его температуру и горечь молоком. В банку с остатками кипятка он добавлял холодную воду или снег с улицы. Умывшись над ведром и окончательно проснувшись, дед Сергей выходил с кружкой кофе, куском ржаного хлеба и двумя молочными сосисками на свежий утренний воздух, выкатив вперед себя садовую тележку. Постояв с полминуты и сделав несколько глубоких вдохов, старик садился на стул, стоящий под козырьком каморки.

Дворовая собака с лисьей мордой, знавшая утреннее расписание дворника, подбегала к нему, виляя хвостом, за своей половиной завтрака. Собака не жила вместе с дедом в бытовке, предпочитая тесной конуре свежий воздух и свои дворовые владения. Хотя в сильные морозы, прижимая хвост от холода, скреблась в дверь. На лисьей морде читалось обещание не мешать и греть ноги хозяина своим телом. Не забыв, перед тем как улечься, облизать сморщенные старческие руки, принимая тем самым его в свою одинокую собачью стаю.

Утолив утренний голод, дед Сергей выпивал стограммовую стопку водки, вытирал носовым платком выступившие на лбу капли пота, после чего принимался за работу. Солнце вместе с жильцами ещё досматривало свой самый сладкий утренний сон, а лопата в руках дворника уже сгребала с тротуара налетевший за ночь пушистый, ровный слой снега. Но для чистки лестниц, ведущих к подъездам, дед Сергей использовал метлу, он считал отличительной особенностью профессионала от дилетанта наличие под каждую работу определенного инструмента. Справившись со снегом, старик вытряхивал в мешок мусор из эмалированных ведер, служивших урнами у подъездов. Обычно вокруг ведра мусора валялось больше, чем в самом ведре. Старик не обращал внимания на подобное безобразие, принимая как данность, как выпавшую за ночь очередную порцию снега. Вообще, работа дворника не справедлива. Когда она сделана хорошо, её никто не замечает. Но стоит не посыпать песком тротуар или пропустить пустую стеклянную бутылку, воткнутую горлышком в сугроб, как диспетчер коммунальной службы выслушивает по телефону жалобу на нерадивого работника.

Закончив работу, дед Сергей садился обратно на свой стул. Отдых продолжался до приезда мусоровоза. Опустошение баков с бытовыми отходами проходило не всегда, а точнее, всегда проходило не совсем гладко. Куски целлофана в последнюю секунду умудрялись выскочить из пасти железного чудовища. Цепляясь за ветки рядом стоящего дерева, или кружа и извиваясь, они летели подальше от этого жуткого места. Серега, поздоровавшись с водителем, отходил в сторону, чтобы не мешать чужой работе. Проводив взглядом уезжающий мусоровоз, старик приступал к своей работе, догонял сбежавший целлофан, сворачивал его и закидывал обратно в мусорный бак. Целлофан всеми силами упирался, благодаря приходившему на помощь сильному ветру, но зная, что Серега не отступит, падал на дно пустого бака, ожидая завтрашнего реванша.

На этом рабочий день Сереги заканчивался. Взяв из каморки пакет и старый потертый кожаный кошелек, он шел в магазин под названием «Малая родина», чтобы купить бутылку водки и немного еды на вечер и следующее утро. Вернувшись обратно в свою каморку, дед Сергей садился на край кровати, раскладывал на пакете обед и наливал водку в свою любимую стограммовую стопку. Оставшиеся полдня он не выходил на улицу. Неизвестно почему, но старику казалось, что он портит своим видом чистый и ухоженный двор, примыкающий к белому пятиэтажному лайнеру, где ему отведена маленькая каюта в самом хвосте.

Поздно вечером, когда все жильцы приходили с работы и укладывались спать, не забыв перед этим плотно поужинать, Серега всё же выходил из своего убежища, опустошив за день бутылку водки на четыре пятах. Старик всегда оставлял сто грамм на следующее утро. Он стоял и вглядывался в ночную темноту, пытаясь увидеть на небе звезды. В детстве видимый кусочек космоса казался бесконечным, сплошь усеянным ярким серебряным бисером. Каждая звезда сияла неповторимым особенным светом, изредка подмигивая, как будто играя с маленьким Сережей. Но, чем старше он становился, тем меньше видел звезд на небе. Он долго не понимал связи между прожитыми годами и их исчезновением. Но девять лет назад в голову Сереге пришла одна мысль, и он всё, наконец, понял. Звезды не исчезали с неба, просто его зрение с возрастом становилось всё хуже. Именно по этой причине он каждую ночь выходил из своей каморки на улицу. Вглядываясь в небо, старик щурился, чтобы полюбоваться тем, что ещё оставалось видимым его глазам. Понимая, что наступит тот день, когда вместо звездного неба останется лишь черная бездонная глубина. И только такая же одинокая, как и он сам, луна, быть может, не даст этой тьме поглотить его полностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.